

ОТВЕТ АВТОРОВ „ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА“

Ваше письмо не явилось для нас неожиданным—ни по содержанию, ни тону. Принимаясь за сложнейшую задачу написания очерков „Истории советского театра“, в значительной доле говорящей о живых и здравствующих еще наших современниках и о событиях, не потерявших еще остроты и злобы дня, мы знали, что можем вызвать недовольство того или другого театрального деятеля. И это тем более, что мы считали единственно правильным в меру нашего разума основать работу нашу на строго принципиальной оценке идейных путей и перепутей нашего театра.

Теперь по существу Вашего письма. Вы сетуете на то, что мы не обратились к Вам до написания главы о Передвижном театре. Мы использовали для нашей книги в целом наряду с письменными документами также и устные беседы и воспоминания ряда наших современников. Но при всей несомненной ценности такой устной традиции она часто, к сожалению, страдает некоторой неточностью. Тоже случилось и с Вами. Вы возражаете, например, против того, чтобы быть сопричисленным к „основателям театра“. А между тем в основном, учредительном договоре Передвижного театра читаем: „основной капитал распределяется между вкладчиками и пайщиками следующим образом: „С. В. Панина—5000 р., О. Н. Попова—1000 р., А. А. Брянцев, П. П. Гайдебуров, Н. Ф. Скарская... каждый по 500 р.“ Располагая таким документом, мы имели полнейшее основание назвать Вас в числе „основателей театра“.

И далее, Вы, очевидно, по памяти, относите цитируемые нами высказывания П. П. Гайдебурова о постановке „Власти тьмы“ к периоду его „творческого упадка“. Но обратитесь к документам—и Вы узнаете, что цитируемая „упадочная“ статья датируется 1908 годом, что она полностью современна „сугубо реалистической“, по Вашему мнению, постановке „Власти тьмы“ и является режиссерской экспозицией ее.

Но полагаться на субъективные восприятия участников событий не всегда можно и потому, что в восприятиях этих исторической перспектива порою невольно искажается. И здесь мы подходим к центральному пунктам наших с Вами разногласий. Возражая нам, Вы утверждаете, что Передвижной театр и Общедоступный театр „были совершенно различными организациями“. Так ли это в действительности? Вы же не станете отрицать, что идейное художественное руководство в том и другом театре совпадало (П. П. Гайдебуров), так же как и влиятельнейшую роль и здесь и там играла С. В. Панина. Вы не станете отрицать, что творческое ядро

труппы в обоих театрах тождественно. Вы не станете также отрицать, что репертуар обоих театров в основном и главным совпадал, что в обоих театрах шли и такие классические пьесы, как „Женитьба“ и произведения символично-модернистской драматургии, как „Свыше нашей силы“, прошедшей премьерой именно на сцене Панинского Народного дома. Вы не станете, наконец, отрицать, что и сами Вы до такой степени отжествляли деятельность обоих театров, что озаглавили свою книгу о театральной декорации „Опыт художественной схематизации в работах Общедоступного передвижного театра“.

Так не кажется ли Вам, что мы действительно имеем здесь дело с фактическим сращиванием обоих театральных начинаний, скоро перешедшим в юридическое тождество, как это мы и показывали в нашей книге.

Возражая нам, Вы утверждаете далее, что театр П. П. Гайдебурова, приобретя черты реакционности в годы революции (с этим Вы, как кажется, согласны), в годы, предшествующие Октябрю, напротив „был фактором, бьющим по устоям царизма“. Так ли это? Действительно ли Гайдебуровский театр испытал в 1917 году скачок и, под воздействием Октября, из революционного, „стоящего на крайнем левом фланге“ и т. д. превратился в реакционный?

Это было бы процессом совершенно исключительным и в частности совершенно противоречил бы ленинской концепции развития русской буржуазной интеллигенции в эпоху 1905—1917 г.г. Но в том-то и дело, что в действительности подобного скачка в развитии Передвижного театра вовсе не было. Театр Гайдебурова боролся (если когда и боролся) „с царской цензурой“ с тех же позиций буржуазного либерализма, как и Религиозно-философское общество и другие подобные начинания. Вот и получается, что Вам, например, спектакль „Свыше нашей силы“, прошедший 200 раз, кажется „фактором несомненно бившим по устоям царизма“. А этим самым царизмом спектакль был воспринят совершенно иначе. Обратимся, минуя „Петроградскую газету“ прямо к „Новому времени“. „Это был прекрасный спектакль. Такие спектакли очищают. Атеист от такой пьесы может стать

верующим, — пишет эта газета. А ведь „Новое время“ помнило об „уставах царизма! А виднейший представитель „царской цензуры“ бар. Н. В. Дризен писал: „Передвижной театр восстановил самое ценное, что давно утрачено театром, это — понятие о театре-храме“.

И поставленный в 1909 г. спектакль „Свыше нашей силы“ выражал тот резкий сдвиг вправо, который испытал Передвижной театр вместе с основными группами буржуазной художественной интеллигенции после разгрома революции 1905 г. Этот сдвиг начался таким образом еще очень задолго до пролетарской революции. И совершенно логическим развитием его было восторженное принятие Передвижным театром Февраля, активнейшее участие его в пропаганде „Займа свободы“ и, наоборот, непринятие Октября со всеми последующими эволюциями, как это и было проследжено в нашей книге.

Процесс этот сочетался с резкой дифференциацией внутри художественных кадров Передвижного театра, что опять-таки в меру наших сил проследжено нами в книге. В процессе этой дифференциации отошел от Гайдебуровского театра и будущий создатель ТЮЗа А. Брянцев.

Глубокая противоречивость исторической обстановки в предреволюционной России позволила даже Панинскому народному дому объективно послужить на пользу роста русского пролетариата.

И это мы отметили в своей книге. Письмо Ваше свидетельствует также и о том, что в тексте главы о Передвижном оказались отдельные формулировки и термины, дающие основание к произвольным толкованиям к ненужным обобщениям. Изъяв эти термины, ошибочность которых мы признали („театральная гапоновщина“, „агентура буржуазии“), из текста книги и придав таким образом редакции главы в книге несколько более выдержанный характер по сравнению с журнальной статьей, мы в то же время не считали возможным изменить нашу принципиальную, основанную на внимательном изучении материала, концепцию того сложного явления, каким предстает в свете исторической перспективы театрального дела П. П. Гайдебурова.

А. ГВОЗДЕВ
АДР. ПИОТРОВСКИЙ

От редакции. Редакция „Р. и Т.“ считает, что признанием ошибочности ряда формулировок, допущенных тт. Гвоздевым и Пиотровским в помещенном на страницах журнала отрывке из „Истории советского театра“, дискуссия между авторами и т. Брянцевым исчерпана.